

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ ЭДУАРДА ШИМА О ПРИРОДЕ

Брусничный кустик

Прижался к старому гнилому пню брусничный кустик.

— Не спеши мимо,— говорит.— Наклонись ко мне.

— Да у тебя ягод мало.

— Не ленись, наклонись... Ягод мало, потому что я старенький.

— Какой же ты старенький? Ростом с вершок!

— Ну и что же... Я давным-давно родился. Когда тут, на вырубке, ещё подрастал лесок. Это сотни лет назад было...

— Сотни лет?

— Сотни... Молодые сосны к небу подымались. Великанами стали. Небо загородили, а я жил. Потом и сосны состарились, начали сохнуть. Их срубили. Остались на вырубке пни-коротышки. А я жил.

— Значит, дольше всех деревьев?

— Дольше. Теперь и пни на вырубке догнивают. И вот уже новые сосенки подымаются...

— Выходит, ты им дедушка?

— Я им прадедушка. И всё равно засыхать не собираюсь. Зимой зелёные листики под снегом прячу. Весной бело-розовые цветочки распускаю. Их поменьше теперь. Но сколько могу, столько ягод тебе и протягиваю...

— Спасибо, прадедушка!

— На здоровье, правнучек.

Березовый кувшинчик

Сухой берёзовый сук ветром на землю сбросило.

Ударился сук, разломился.

Мелкие веточки в траве потерялись, большие гнилушки раскатились кто куда.

Льёт дождик, водой гнилушки заливает. Солнышко светит, высушивает гнилушки.

Жуки-древоеды мягкую сердцевину грызут. Сыплются из гнилушек опилки.

Мелкие-мелкие земляные муравьи поселились в гнилушках. Всё нутро источили, одну древесную пыль оставили.

Однажды вышел я на поляну, гляжу — что-то в траве белеется. Поднял.

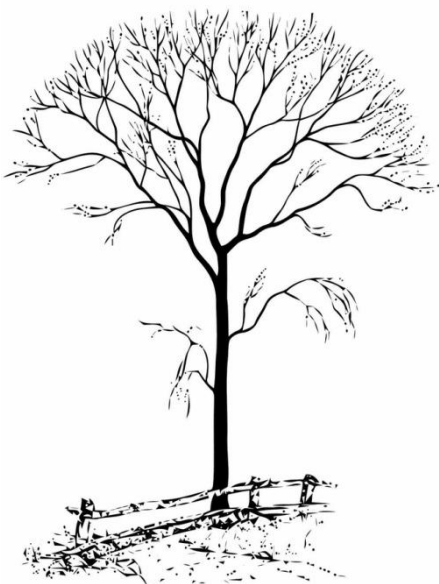
В руках у меня — лёгкая трубочка из берёзовой коры.

Это всё, что от гнилушки осталось.

Пристроил я к трубке донышко, получился у меня берёзовый кувшинчик. Теперь в нём лесные цветы стоят.

Заходят ко мне гости, спрашивают: «Кто сделал такой красивый кувшинчик?»

«Я сам, — отвечаю, — сделал. Да ещё мне земляные муравьи помогли, да ещё жуки-древоеды, да ещё дождик, ветер и солнышко».

Весенняя осень

Хожу я в лес, гляжу, — какие происходят в нём весенние перемены.

На сухих пригорках проклюнулась трава. Голубые пролески цветут. На ветках почки лопнули, и показались из них зелёные хвостики. Скоро деревья совсем оденутся.

А тут что такое?

Вышел я на поляну, а на ней еще самая настоящая осень хозяйничает.

Стоят вокруг молоденькие дубки, с головы до ног в жёлтых осенних листьях. И на земле лежит жёлтый шуршащий половик. И стоит возле пенёка на толстой ноге гриб-сыроежка, в красной шляпе набекрень. Да уж не снится ли всё это?
Поморгал я глазами... нет, всё настоящее. А поверить не могу. Не могу я поверить, чтоб такое было! Решил разобраться, присел на пенёк. А перед глазами — червонные листья на дубовых ветках...
Стала мне закрадываться в голову несусветная мысль: а что, если эта поляна волшебная? Как в сказке. Не бывает тут зимы, не бывает лета. Вечная осень стоит. И можно сюда в феврале ходить по грибы. А в июне — собирать букеты багряных листьев.
Даже чуточку страшно стало.
Тишина разлита над поляной. Ни шороха, ни хруста, ни птичьего голоса.
Чок!
Сорвался с ближней ветки сухой лист. Закачался в воздухе, упал.
Чок!
Сорвался второй лист. Ещё почка открылась.
Ах, вот в чём дело-то!..
Нагнул я ветку и увидел, что в пазухе каждого листа сидят спрятавшиеся почки. Наверное, укрылись от зимних холодов. А теперь разбухли и выталкивают старую листву. Оттого и на земле — сухой жёлтый половик...
Я его ногой отодвинул, а под ним — зелёная трава.
Сорвал я тогда сыроежку. Она свежая, крепенькая. Холод-одная. И тут я вспомнил, что сыроежки у нас осенью до самого снега держатся. Не боятся стужи. Стойкие.
Так почему бы им и весной не появиться?
Конечно: эта вот — самая первая, весенняя!
Значит, и на этой поляне — весна. Только её не сразу узнаешь.
Она, озорница, осенью прикинулась.

Дуб

Посадил ты меня в землю, а теперь обижаешься — отчего, дескать, медленно Дуб растёт?
Невдомёк тебе, что расту я в обе стороны.
Кверху ствол и веточки тянется.
А вниз — становой корень уходит, землю буравит.
И корень этот куда длинней, чем ствол. И работа у него тяжёлая — землю раздвигать, до глубокой воды добираться...
А вот как доберётся, укрепится, начнёт воду качать, — тогда и я пойду в рост. Будет у меня веток — сотни, листьев — тыщи, желудей — тьма-тьмуца...
И стоять буду крепко. Как дуб!

Звонкий спор

Весною погода изменчива. То солнышко пригреет, то пахнёт холодом, и так — несколько перемен на дню. И впрямь очень похоже, будто зима с весной спорят: кто кого одолеет? Иногда спор бывает особенно сильным. Не уступают друг другу спорщики, пускаются на разные хитрости. Тут уж — успевай смотреть да слушать...
Нынче поутру взяла силу зима.
Так она застудила землю, что лужи промёрзли до дна и на них стал лопаться лёд. И на дворе у нас, и на дороге отчётливо слышался этот треск, — словно стучали по льдинкам крохотные молоточки. Потом выглянуло солнце, молоточки кончили стучать и ушли. Тогда другая музыкантша — капель — начала пускать бульки.
Это была уже песенка весны.
Сначала звучали бульки редко и глуховато, — капли падали прямо на снег. Когда же внизу скопилась вода, бульки стали звонкими и пошли чаще. Получились трели.
Зиме, наверно, такая музыка не понравилась. Зима надвинула мутные тучи, пустила ветер. Сразу похолодало. А с неба посыпалась изморозь — не то дождь, не то снег. И начался гололёд.
Обледенели изгороди, крыши, деревья. У нас во дворе стоит берёза, так на её ветвях narосли ледяные

бубенцы.

Я вышел из дому и стал чинить санки, чтоб ехать в лес за дровами.

Только взялся за работу, — слышу тоненький перезвон. Поднял голову. Оказывается, на берёзовые жиденькие веточки сел снегирь, и оттого веточки закачались и затренькали бубенцами.

Снегирь, конечно, сразу слетел, но на его место плюхнулся другой, и опять получился перезвон.

Пока я санки чинил, берёза всё время потренькивала — давала мне знать о прилёте гостей. Их что-то много было: и снегирей, и синиц, и поползней. Придя в лес, я догадался, откуда они налетели. В лесу деревья тоже обледенели, и когда дул ветер, лес становился очень громким. Непривычные звуки птиц пугали, а иных выгоняли совсем.

Перестаралась зима: чуть со всеми птицами не перессорилась...

К вечеру холод отпустил, но ветер стал резче. Он гнал по насту осколки льда, выплёскивал воду из луж, рушил скрипучий снег. И весь этот шум был такой, словно настраивали инструменты невидимые музыканты.

Так я и понял: зима с весной готовятся продолжать спор.

Медведь — рыболов

На лесной реке, на крутой излучинке Медведь рыбу ловит. Сидит на большом камне, лапу вверх задрал, — ждёт.

Набегают на камень мелкие волны, ныряют в волнах мелкие плотвички. Белёсенькие, вёрткие, с красными глазками.

Вот одна совсем близко подплыла.

Ударил Медведь лапой, — распорол медвежьи когти воду — только брызги по сторонам!

А Плотвичка-то — виль-виль! — и ушла. Не попалась!

Обидно Медведю, а тут ещё насмешники отыскались, дразнятся. Голубой Зимородок на ветке сидит, посмеивается:

— Такой большой, а такую маленькую рыбёшку словить не сумел! Гляди, как рыбачить надо!

Сложил Зимородок крылья, камешком в воду — бульк! — и вот опять уже на ветке сидит, в клюве рыбёшку держит.

— Может, угостить тебя, косолапого?

Рявкнул Медведь от злости, потоптался на камне, опять лапу задрал. Опять ждёт.

Накатывают на камень ленивые волны, плывут мимо камня

ленивые головлики. Лобастенькие, пузатенькие, с чёрными спинками.

Вот один совсем близко подплыл.

Ударил Медведь лапой, — полоснули воду медвежьи когти, — белый бурун закипел!

А Головалик нырнул поглубже — виль! — и ушёл. Не попался!

Сопит Медведь от обиды, а насмешники не унимаются. Усатая Выдра хихикает на берегу:

— Такой силач, а не мог с рыбёшкой справиться... Гляди, как умеючи ловят!

Скользнула Выдра в воду, погналась за головликами. Быстро плывёт, изгибается в струях, как змейка.

Настигла рыбу, кинулась, цопнула, — и вот уже вылезает на берег с Головаликом в зубах.

— Хочешь, косолапый, тебе рыбий хвостик оставлю?

Рявкнул Медведь, отвернулся в другую сторону. Опять лапу задрал и опять ждёт.

Надвигается на камень большая волна, плывёт мимо камня громадная Щука. Спина — как бревно, зубы — как шилья, на голове мох зеленеет... Страшилище!

Зимородок не хочет за Щукой нырять.

Выдра и не собирается Щуку настигать.

Эта рыбина, чего доброго, сама рыбаков слопаёт!

Но Медведь лапу свою не опустил. Напротив — еще шибче замахнулся.

Подплыла Щука поближе. Мелькнула медвежья лапа — хват! — и глазом никто моргнуть не успел, как очутилось страшилище на горячем камне...

А Медведь рычит, похохатывает:

— Кто тут насмешничал, кто меня дразнил? Поучитесь-ка сами рыбку ловить... Вот добыча, так добыча

— сам наемся, всех вас накормлю, да ещё сорокам с воронами останется!

Подорожник

Отгадайте, что за доктор Айболит у дороги сидит?

Подорожник.

Трава такая незаметная. И незаметная, и терпеливая, и живучая.

Растёт где придётся. На булыжной дороге, между камней. На сухой, утоптанной тропинке, где земля растрескалась.

Наступишь на него — вытерпит.

Проедет по нему тележное колесо — вытерпит.

Грузовик по листьям прокатит — всё равно вытерпит. Приподнимутся листья, расправят жилочки, разглядятся.

Сам себя лечит подорожник.

А недавно я ногу поцарапал, и заболела у меня нога.

— Подорожник, вылечи!

— Давай вылечу.

Сорвал я листик подорожника, приложил к больному месту. И всё зажило.

Самый жадный

Я сыпал хлебные крошки воробьям, а потом кинул сразу целую горбушку.

Что тут началось!

Сбились воробьи стайкой, насакивают на горбушку, норовят побольше ущипнуть.

Тянут её из стороны в сторону. Как живая, прыгает горбушка по песку.

Вдруг сверху ещё воробей слетел. Растрёпанный такой, чумазый. Словно из печной трубы вывалился.

Чирикнул — и в драку. Первого товарища крылом отшиб, второго — клювом тюкнул, третьего — грудью отпихнул.

«Дайте мне! Одному!»

Всех растолкал, нос в горбушке завязил, рвёт, торопится. А стайка опять вокруг сгрудилась.

Вот-вот наскочат!

Взьерошился воробей, ущемил горбушку покрепче и взлетел. Горбушка-то больше его самого. Увесистая. Голову ему оттянула. А он надсаживается, тащит. Не смотрит — куда, лишь бы ото всех подальше.

Летит — вверх, вверх, вверх, — из последних сил крылышками трепещет, а горбушка словно всё тяжелей делается, и вот уже нету мочи, и тогда — вниз, вниз,

вниз понесло воробья, а на дороге впереди лужа, и вот — плюх! — в неё воробей...

Еле, бедняга, выбрался.

Самые храбрые

Кругом деревни поля ещё чёрные, а одно — будто зелёной краской залито. Весёлые ростки, одинаковые, как ратные братцы, тянутся кверху. Когда же они успели вырасти?

Мама сказала, что это хлеб — озимая рожь. Её тут прошлой весной посеяли.

Зёрна успели до морозов прорасти и поднять над землёй зелёные пальчики.

Потом их снегом закрыло. Наверно, холодно было под снегом. Страшно... Темно!

Но ростки терпели, ждали весны. И, как только она пришла, выбрались из-под снега. Зато теперь первыми греются.

Самые храбрые!

Берёза

Мы, берёзы, хозяйки добрые. Землю украшаем.
Куда ни пойдёшь, – везде нас встретишь.
И в густом лесу берёзки стоят.
И на болоте, среди кочек да мхов.
И на сухой земле, на песке, на старом пожарище, даже среди камней-валунов,
на горах каменных берёзки прижились.
Было место самое гиблое, самое пропащее. А пришли туда берёзки, встали – и сразу похорошело кругом.
Листва шёлковая шелестит-нашёптывает, птицы на ветках гнёзда вьют, от белых стволов свет над землёй разливается.
Забредёт человек, глянет – и не уйти ему с этого места.
Красота приворожила.

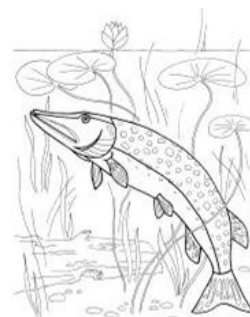
Всем вам крышка

Шёл Морозко первый раз по лесу и ноги промочил. На земле ещё осенние лужи были, в болотах — воды полно, а лесные озёра от ливней даже из берегов вышли.
А у Морозки ноги в валенках. Неспособно шлёпать.
Зачихал Морозко, носом захлюпал. А потом рассердился и начал рукавицами друг о дружку похлопывать. Как хлопнет — так ледяная крышка готова.
Для луж — маленькие крышечки понаделал.
Для болот — побольше крышки.
Для прудов и озёр — совсем большие крышки, крепкого зелёного льду.
Взял их Морозко в охапку и пошёл воду запечатывать.
— Сейчас, — говорит, — всю эту слякоть прикрою.
Наклонился над лужицей, крышечку примеривает.

А из лужицы слабенькие голосишки:
— Морозко, Морозко, не запечатывай лужу, не опускай крышечку!
Смотрит Морозко, а в луже всякой живности полно: тут и жуки-плавунцы, и жуки-водолюбы, и жуки-вертячки, тут водяные паучки, блошки да личинки... Снуют-суетятся!
— Хватит! — сказал Морозко. — Отжили. Всем вам крышка!
Примерился — хлоп! — и вмиг лужу запечатал.
Дальше идёт. К болоту выбрался.
— Сейчас, — говорит, — и здесь подберу крышечку!
А из болота голоса слышны:
— Морозко, Морозко, не опускай крышку, не запечатывай болото!
Глянь — и тут жителей полно: лягушки, тритоны, улитки копошатся.
— Хватит! — сказал Морозко. — Отжили. Всем вам крышка!
Примерился — хлоп! — и вмах болото запечатал.
Дальше идёт. На озеро вышел.
— Сейчас, — говорит, — самую большую крышку подыщу!
А из озера голоса слышны:
— Морозко, Морозко, не опускай крышку, не запечатывай озеро!

Глянь — рыб в озере полно. Тут и щуки, и окуни, и пескари, и мелюзга всякая, мальки-сеголетки.
— Хватит! — сказал Морозко. — Отжили! Всем вам крышка!
Примерился, прицелился — хлоп! — и легла на озеро толстая ледяная крышка.
— Вот так! — Морозко говорит. — Теперь моё времечко — по лесам да полям разгуливать. Захочу — помилую, а захочу — так всех погублю!
Похвально Морозко, идёт по лесу, ледком похрустывает, по деревьям постукивает.
— Я один тут властелин!
И невдомёк Морозке, что все водяные жители живы-здоровы остались.
Жуки да личинки на дно опустились, в мягкий ил закопались.
Лягушки в тину зарылись, улитки вход в раковину известковыми дверцами

закрыли.

Рыбы яму отыскивали поглубже, улеглись рядком, спят.

А для тех, кто не спит, люди прорубь во льду устроили.

— Дышите себе, — говорят, — на здоровье!

Конечно, не слишком весёлое житьё подо льдом. Но ничего. До весны дотянуть можно.

А весна придёт — все Морозкины крышечки распечатает!

Ветер над полем

Пролетает Ветер над полем, где рожь посеяна:

— Кто в хлебах живёт, кто в низеньких прячется?

— Это я, Жаворонок, с птенчиками. Больше нету никого.

Дни проходят, растёт рожь, кустится.

Опять пролетает Ветер:

— Кто в хлебах живёт, кто в густых прячется?

— Это я, Перепёлочка с детками.

— Это я, Жаворонок, с птенчиками. Больше нету никого.

Дни проходят, растёт рожь, колосится. Опять пролетает Ветер:

— Кто в хлебах живёт, кто в высоких прячется?

— Это мы, Жаворонки.

— Это мы, Куропатки.

— Это мы, Перепела.

— Это мы, Лисы, с лисенятами.

— Это мы, Волки, с волчатами. Больше не помещается никто! Дни проходят, жатва начинается. Убрана рожь. Опять пролетает Ветер:

— Кто в чистом поле живёт, кто в стерне прячется?

А ответа нет.

Жаворонки улетели, Куропатки по кустам разбежались, Перепела по лугам разошлись, Лисы и Волки в лесах скрываются.

И в поле — хоть шаром покати.

Выдра и бобры

— Ты чего тут?

— А ты сам чего?!

— Я, Бобёр, на этой речке живу.

— А я, Выдра, сама тут жить надумала. Ступай прочь! Да поторапливайся: у меня лапы крепкие, у меня зубы острые, нелегко со мной спорить-артачиться.

— Я бы ушёл, да как быть с родичами? Вон хатка, — видишь? Там ещё шестеро бобров живут. Давай-ка я их кликну, да вместе и побеседуем.

— Что ты, что ты, хозяин! Пошутила я. У меня лапки слабые, зубки тупенькие, где уж мне с семерыми бобрами беседовать. До свиданьчика!

Воробей и лягушка

Лягуха, лягуха, ты куда скачешь?

— Ку-а-ку-а! Купаться! А ты куда?

— И я купаться! А ты где, Лягуха, купаешься?

— Где, где... В канаве!

— Да кто же в канаве купается?!

— А где же купаться-то?

— В песке, на сухом местечке, на пригорочке!

Белые штаны

Студёно в лесу, звери готовятся летние одёжки менять на зимние.

А молоденькому Зайчишке это в диковинку. Он ещё только первую зиму встречает... И страсть как не терпится Зайчишке в обнове пощеголять. Не стал ждать, пока вся одёжка готова будет, взял и надел новые штаны.

— Эх ма, — говорит, — пройдуся окрест, покрасуюсь!

А штаны и впрямь хороши. Белые, как первый снежок, пушистые, тёплые! Идёт Заяц, и новые его штаны далеко-о видать, словно кто-то платочком машет.

Радуетса Заяц:

— Пусть все видят, пусть все завидуют!

Ну, и конечно — увидели.

Только Зайчишка на поляну вышел, — Сова с дерева заметила.

Кинулась вниз, когти нацелила, — вот-вот сгребёт! Еле увернулся Заяц, без памяти стреканул в кусты — да под ёлку, да под берёзку...

В берёзник выскочил — Лисица издалека приметила. Погналась со всех лап, от радости даже твякает на бегу... Едва-едва упредил её Заяц, битый час кружил, пока не отстала Лисица.

На опушку леса вылетел — а тут нате вам: шагает к нему

Охотничек с ружьцом. Вот сейчас, вот сейчас на мушку возьмёт!

Эх, кабы скинуть белые штаны!

Да не выскочишь из них.

Забился Зайчишка в самую глухую чащобу, схоронился в кустах за кочкой. Лежит — дрожит: как бы не заметил кто ненароком.

Понял теперь, что не для одной красоты белые штаны даются.

Весна

Слышите?

Светлые капли вызванивают, струйки плещутся, волны струнами рокочут... Всё громче, всё радостней музыка!

Это я, Весна, еду нынче по лесу.

У меня упряжка из двенадцати самых быстрых ручьёв. Распустили они пенные гривы, мчатся с пригорков, пробивают дорогу в грязных снегах. Ничто их не остановит!

Летите, мои серебряные кони, — эгей, эгей!

Впереди лежит земля пустынная, заснувшая мёртвым сном. Кто её разбудит, кто к жизни вызовет?

Я, Весна, это сделаю.

У меня полные пригоршни живой воды. Я спрысну землю этой водою, и тотчас всё кругом станет оживать.

Глядите — я махнула рукой, и — просыпаются реки...

вот они поднимаются, взбухают... ломают зелёные льды над собой!

Глядите, я взмахнула ещё и — пробуждаются деревья и кусты...

распрямляются ветки...

почки клейкие разворачивают!

Глядите — в третий раз я махнула рукой, и — всякая мелкая живность засновала...

птицы с далёкого юга летят...

звери из тёмных нор выбираются!

Пошевеливайся, лесной народ, будет вам спать! Сама я спешу-тороплюсь и другим на месте лежать не велю. Пospешайте, а то догонит буйный разлив, окружит, кой-кому поплавать придётся.

Я ждать не могу, мне большой путь предстоит. С южного края земли до северного, до самых студёных морей должна я промчатся на резвых своих конях.

А тут ещё Мороз упрямится, по ночам исподтишка на моих коней ледяную узду накидывает. Охота ему задержать меня, остановить, живую воду превратить в мёртвую.

Но я не уступлю ему.

Поутру разгорячит моих коней солнышко, рванутся они снова в путь — и порушат все ледяные преграды.

И опять светлые капли вызванивают, опять струйки плещутся, опять рокочут... Поёт живая вода, и земля просыпается к новой жизни!

Все́му свой срок

Зайчонок-настовичок в марте родился, когда ещё земля в белых снегах лежала.

Шубка у Зайчонка тёплая. Молочко у Зайчихи сытное. Сидит Зайчонок под кустиком, круглыми глазами во все стороны поглядывает. Ничего, жить можно...

Дни проходят. Растёт Зайчонок. И скучно ему стало.

— Что же, — говорит он Зайчихе, — так всё время и будет? Под кустом сиди, на белый снег гляди, дождайся, когда тебя молочком покормят?

— погоди, — Зайчиха говорит. — Все́му свой срок. Скоро весна разыграется, будешь по зелёному лесу бегать, сладкую травку зубрить.

— А скоро это?

— Скоро!

Дни проходят. Солнышко пригревает, снег в лесу оседает, вокруг деревьев лужицы.

Зайчонку не терпится:

— Ну, где же лес зелёный, где травка сладкая? Не хочу больше ждать!

— погоди, — Зайчиха говорит. — Все́му свой срок.

Дни проходят. Снег тает в лесу, капли щёлкают, ручейки позванивают.

Зайчонку невтерпёж:

— Ну, где же лес-то зелёный?! Где травка сладкая?! Не буду, не буду ждать больше!

— погоди, — опять Зайчиха говорит. — Все́му свой срок.

Дни проходят. В лесу половодье, над сырой землёй туманы стелются, в небе клики журавлиные слышны.

— Ну, — грустит Зайчонок, — видать, это сказки — про зелёный лес да травку... Ничего этого не бывает на свете. И напрасно я ждал!

— А посмотри-ка! — Зайчиха говорит. — Оглянись!

Оглянулся Зайчонок — и увидел на берёзе первые зелёные листики. Махонькие-махонькие! Посмотрел на землю — и увидел, как первые травинки проклюнулись. Тоненькие-тоненькие!

И так-то обрадовался Зайчонок, так-то развеселился! Прыгает на нескладных лапках своих, кричит:

— Ага! Ага! Разгорелась весна! На деревьях листики зелёные! На земле травка сладенькая! Вот хорошо! Вот славно!

— Пришёл срок твоей радости, — усмехается Зайчиха.

— Да-а, — говорит Зайчонок, — а долго-то как! Я весь изождался! Ждал-ждал, ждал-ждал...

— А если бы не ждал, — говорит Зайчиха, — разве ты бы махонькому листочку, тоненькой травинке обрадовался?

* * *

— Чу, весенние капли заиграли!

— Это не капли.

— Чу, весенние льдинки звенят!

— Это не льдинки.

— Чу, весенние ручейки побулькивают!

— Это не ручейки.

— А что это?

— Это синица на берёзе голос пробует!

Дятел, заяц и медведь

В лесу начал снег таять, поляна вода поднялась и затопила медвежью берлогу.

Проснулся Медведь — ахти, горе какое! — под брюхом лужа, лапам холодно, даже на загривке шерсть намочла... Выскочил наружу, трясётся, зубами стучит.

А снаружи-то не слаще. Со всех деревьев капает, ручьи бегут с пригорков, на полянах озёрца разлились. Ступить посуху некуда!

Шлёпает Медведь по воде — злой-презлой, рычит: — Тьфу, ты, пропасть, что за жизнь пошло!.. Зиму спать было скверно, а просыпаться — на тебе! — ещё хуже... За что же такое наказание?!

И вдруг слышит — песенка. Кто-то задорно так выводит:

Тук-тук, трясётся сук,
Тук-тук, несётся стук!
Фыр-фыр, шестнадцать дыр,
Др-р-р-р-р-р-р-р-р-р!..

Задрал Медведь голову и увидел на берёзе Дятла в красной шапочке. Опёрся Дятел на свой хвостик-подпорку, носом по берёзовой коре бьёт, хихикает, — уж так-то доволен!

— Ты чего, долгоносый, распелся? — спрашивает Медведь.

— А как же не петь-то, дедка? Весна пришла!..

— Ну и чего хорошего?

— Да ты, видно, не проснулся ещё! Весна-красна, понимаешь?!

— Тьфу, пропасть! Да чем она тебе так приглянулась?!

— Как чем? Нынче каждый день — праздник, на каждом сучке — угощенье. Вот я на берёзу прилетел, дырочек в коре наколотил — стук! стук! — и гляди-ка. Сладкий сок из них капает. Пей вволю да Весну-красну похваливай!

— Кому сладкий сок, а кому водичка холодная, — Медведь говорит. — Замолчи, не дразни, без тебя тошно.

Дальше зашлёпал по лужам. Не успел от берёзы отойти, слышит — новая песенка. Да не один голосочек, а сразу несколько её выводят:

Через кустик прыг-нем,
Через кочку скок-нем,
Вперёд — назад,
вперёд — назад!

Подошёл Медведь поближе — видит: на поляне зайцы играют, друг за дружкой гоняются. До того развеселились, что ничего вокруг себя не замечают.

— Цыц, косые! — рявкнул Медведь. — Что за кутерьма?!

— Весна ведь, Дедушка! Весна-красна!

— А вам-то какой от неё прок?!

— Да как же, дедушка! У нас что ни день, то праздник, на каждом шагу — угощенье. Вот на эту полянку прибежали, а тут уже зелёная травка проклюнулась, позубрить её можно... Как же Весну-красну не хвалить да не славить?

— Кому травка, кому грязь да слякоть, — Медведь говорит. — Брысь отсюда, не бередите мне душу, окаянные...

Дальше побрёл, шлёпает по лужам лапами. А чем дальше в лес, тем больше песен и плясок. Все жители — от малых пичужек и до больших зверей — радуются великой радостью, вешний праздник празднуют. Звенит лес, гуляет!

Сел Медведь на сухом пригорочке, лапой подперся, загоревал:
 — Как же так... Всем в лесу хорошо, мне одному нету радости. Нешто я хуже всех?
 И тут из-за облачка солнышко выглянуло. Пригрело Медведю спину, над мокрой шкурой парок завился.
 Закряхтел Медведь от удовольствия, бока подставляет. Так приятно после холодов-то погреться!
 От тёплой земли тоже парок пошёл. Потянул Медведь носом — пахнет!.. Знакомым, сладким!
 Начал землю рыть, дерновину отворотил — а там корешки завиднелись. Как же он про них-то забыл?!
 Ведь приходилось лакомиться, весною-то корешки сочны, сахаристы — не найдёшь лучше угощения!
 Рвет Медведь землю, чавкает, сопит, — ух, развеселился!
 Потом слышит: песенка. Выводит кто-то:

Ох, ох, обед неплох,
 Левый бок — на припёк,
 А за ним — правый бок,
 Под собой не чую ног,
 Спасибо, Весна,
 разутешила!

Оглянулся — нет никого. А песня совсем рядышком была!
 Не сообразил сразу-то, что это сам распевать начал.
 Вот как Весна угодила!

Ёлкино платье

Продираешься через ельник, а чёрные елочки колются:
 — Не трогай нас!
 — Подумаешь, тихонечко задел.
 — И тихонечко не задевай. Мы свою одежду бережём.
 — Да что за одёжка у вас такая особенная?
 — Иголочки наши зелёные не листья. Не меняются каждое лето.
 — Так что?
 — Вот выросла свеженькая еловая лапка, а иголочки на ней сменяются только через семь лет.
 — Да, не скоро.
 — Вот и приходится беречь!

Зачем большая голова

Волчонок вылез из тёмного логова, уселся посреди полянки, лапы растопырил. Жмурится.
 Увидали его птицы с деревьев.
 — Ой, — кричат, — какой головастый!
 — Ой, смешной да нескладный!
 — Зачем тебе голова большущая? Носить тяжело!
 — Братцы, не мешайте головастику! Он думает!
 — О чём задумался, Волчище?
 Почесался Волчонок задней лапой.
 — Ещё чего, — говорит. — Охота была думать.
 — Братцы, — кричат птицы, — он свою голову про запас носит! Хочет всех умнее вырасти!
 — Волчище, ты скоро поумнеешь?
 — Когда за ум возьмёшься?
 — Будет у нас в лесу мудрый Волк! Правда, лобастик!
 Почесался Волчонок другой лапой.
 — Подите вы, — говорит, — с вашей мудростью.
 — Братцы, — кричат птицы, — а может, для красоты такая голова? Для особенной волчьей красоты?
 — А может, для крепости? Чем больше да толще, тем крепче?
 — А может, в большой голове большой голос помещается?
 — Голос-то, чай, в горле! А голова для чего?

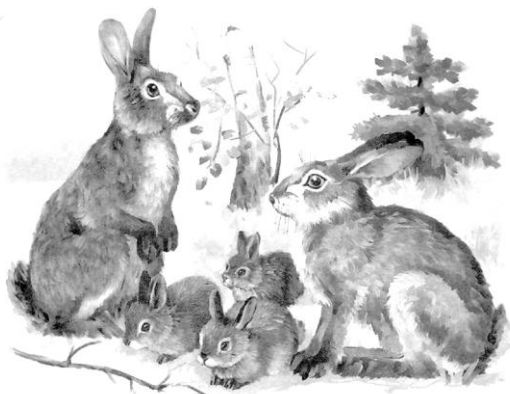
Спорят птицы, трещат, пересмеиваются.

А Волчонок поглядел на них да как зевнёт-ёт!

В полголовы пасть открылась. А в пасти — зубки беленькие, зубки, зубки. Хоть малы, да уже видно, какими вырастут.

— Понятно? — Волчонок говорит.

И пасть со стуком закрыл.

Заячье семейство

На берёзовой опушке лесные мамы хвалились друг перед другом своими детками.

— Ах, какой у меня сын! — сказала мама Олениха. —

Наглядеться на него нельзя. Копытца точёные, ножки

пряменькие, шейка высокононькая... Лёгонький, как ветерочек!

— М-м-м, сын, конечно, неплох, — сказала мама Барсучиха. —

Но куда ему до моих деточек! Уж такие они нарядненькие, такие разумненькие! Родились в марте, в апреле уже глазки открыли, а нынче — поверите ли? — даже из норы выбегают...

— А сколько их у вас? — спросила Олениха.

— Уж, конечно, не один и не два. Целых три!

— Можно вас поздравить, — сказала мама Ежиха. — Но всё-таки моих деток с вашими не сравнить. У меня их — пять душ! И вы знаете, у них уже шёрстка появилась... и даже иголочки твёрденькими становятся... Ну, не чудо ли?

— Хрю! — сказала мама Кабаниха. — Пять — это хор-рошо. Ну, а что вы скажете, если их — десять?

— А у кого их десять?! — поразилась мама Ежиха.

— Хрю-хрю... У меня! Ровно десяточек, и все как один... хрю!.. мохнатенькие... хрю!.. полосатенькие... хрю!.. повизгивают этак тоненько, как птички... Где ещё такое семейство найдёшь?

Не успели мамы согласиться, как вдруг с поля раздался голос:

— У меня семейство получше!

И на опушке появилась мама Хомячиха.

— Ну-ка, — сказала она, — попробуйте догадаться, сколько у меня деток!

— Тоже десять! — хрюкнула мама Кабаниха.

— Двенадцать? — спросила мама Барсучиха.

— Пятнадцать? — шепнула мама Ежиха и сама испугалась, назвав такое большое число.

— Как бы не так! — сказала мама Хомячиха. — Подымайте выше! У меня деток — восемнадцать душ, во сколько! И чего там болтать про шёрстку, про глазки, — это всё пустяки. Мои детки уже работать

начали. Даром что малы, а уже каждый себе норку копает, жильё готовит. Представляете?

— Да, ваше семейство — самое замечательное! — признали все мамы. — Вы подумайте: восемнадцать деток-работничков!

Долго бы ещё удивлялись мамы, если бы на опушке не появилась Зайчиха.

Хвалиться она не стала, шла тишком-молчком.

Никто не узнал бы, сколько у неё деток, если б мама Олениха не спросила:

— Ну, а сколько душ в вашем семействе?

— Не знаю, — сказала Зайчиха. — Кто ж их считал... Может, — сто, может, — тыща, а может, — и ещё больше.

— Как так?! — подскочили мамы. — Не может быть!!.

— У нас именно так и бывает, — сказала Зайчиха. — Мы со своими детками не привыкли нянчиться.

Рождаются зайчата, мы их разок покормим, а потом где-нибудь под кустом оставим — и до свиданья!

— Зачем же? Как безжалостно! — закричали мамы.

— А затем, что так — лучше. Затаятся зайчата под кустом, притихнут — и ни волк, ни лиса их не найдут. А будь мы рядом, так навлекли бы на них беду.

— Но ведь они же маленькие!

— Маленькие, да удаленькие. И прятаться умеют, и видят зорко, и слышат чутко. Да и шубки у них тёпленькие.

— А кто же их кормит-то?

— Да любая Зайчиха, которая встретится. У нас ведь нету чужих деток, все — родные. Нынче я одного покормлю, завтра — другого. Вот и выходит, что все зайчата в лесу — из моего семейства. А сколько их, — никто не ведаёт. Может, — сто, может, — тыща, а может, — и того больше. Посчитайте,

попробуйте!

И тут уж все мамы поняли, что всё-таки самое удивительное семейство в лесу — заячье.

Как Воробей тёплый угол искал

Жил да был на свете Воробей.

Не городской воробей — деревенский. Городские — те скучно привыкли одеваться, серенько. А этот расписной красавец: шапка на нём коричневая, на щеках чёрные наушники, и по каждому крылу две белые полосы пущены.

Летом хорошо жилось Воробью. И вольготно, и сытно. А пришла осень, и совсем худым стало житьё.

Льют дожди холодные, ветер сиверко задувает, а

еды так и вовсе не сыскать. Весь хлеб колхозники в амбары свезли, домашнюю птицу в сараи заперли, — нигде зёрнышка не украдёшь. Загоревал Воробей, да нечего делать. Ты птица сорная, бесполезная, никто тебя задарма голубить не станет. Сам живи.

Вот и надумал Воробей лететь куда глаза глядят.

«Хоть земля, — думает, — и круглая, но должен же найтись на ней тёплый угол... Авось найду!»

И полетел.

Долго ли, коротко летел — притомился. Воробьиные крылышки куцые, такие за море не унесут. Мах, мах — да и впопыхах.

Запыхался Воробей и сел на лесной опушке.

Видит — растут кругом частые кустики, болотные кочки торчат, и ходят между кочек белые птицы с чёрными хвостами.

— Здорово! — сказал Воробей. — Вы чьи таковы?

— Мы белые Куропатки, — отвечают птицы. — А ты кто?

— Я, ребята, Воробей. Из деревни. Лечу тёплый угол для житья искать.

— Зачем тебе лететь? — удивились куропатки. — Оставайся с нами.

— А хорошо ли живёте?

— Уж куда лучше. Было нам холодно, мы в зимнее толстое перо оделись. И тепло, и не видно нас. Было по снегу неловко ходить, мы лыжи приспособили из пёрышков. Теперь не проваливаемся. Было голодно, мы длинные когти отрастили, теперь снег роем, ягоду выкапываем. Чем не житьё?

— Ну, не-ет! — говорит Воробей. — Это не по мне. Забот полон рот: и шубу надо, и лыжи, да ещё ягоду копай!.. Прощай-те!

И дальше полетел.

Долго ли, коротко — добрался до светлого березничка. На ветку спустился. Видит — сидит на берёзе две птицы: обе пёстренькие, обе хохлатые.

— Здорово! — сказал Воробей. — Вы чьи таковы?

— Мы Рябчики, — отвечают птицы. — А ты кто?

— Я, ребята, Воробей. Из деревни. Лечу тёплый угол для житья искать.

— Зачем тебе лететь? — удивились рябчики. — С нами оставайся.

— А хорошо ли живёте?

— Уж куда лучше. Было нам голодно, мы взяли да гладких камушков наглотались. И теперь животы у нас любую еду перетрут: и хвою, и почки, и серёжки, и веточки... Что твоя мельница! Было нам холодно, да мы в снегу спать научились. Нырнём в снег, будто в перину — и до утра! Чем не житьё?

— Ну, не-ет! — сказал Воробей. — И это не по мне. Чтоб я камни глотал да в снегу спал... Прощайте!

И дальше полетел.

Долго ли, коротко — добрался до тёмного ельничка. На еловую лапу сел, огляделся. Видит — копошится рядом красная птица с носом, будто кривые ножницы.

— Здорово! — говорит Воробей. — Ты чей таков?

— Я Клёст, — отвечает птица. — А ты кто?

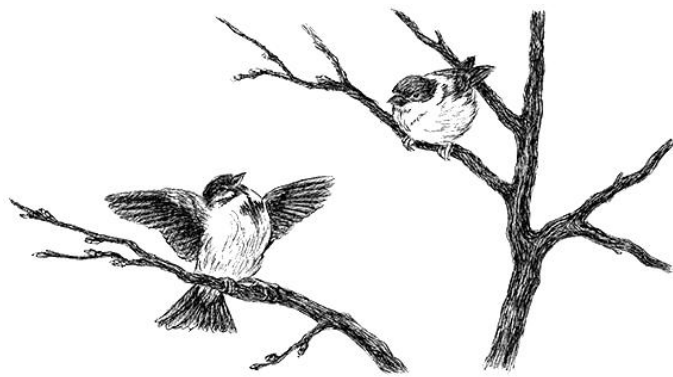
— Я, брат, Воробей. Из деревни. Лечу тёплый угол для житья искать.

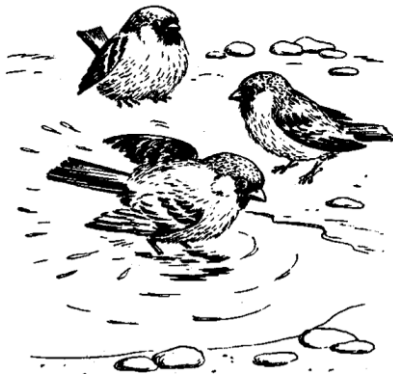
— Зачем тебе лететь? — удивился Клёст. — Оставайся со мной!

— А хорошо ли живёшь?

— Уж куда лучше. Было мне голодно, я себе — эвон! — какой хитрый нос смастерил. Что твои щипцы! Теперь шишки лущу, семена из них тащу, до того сытно! Было мне холодно, стал я гнездо рубить.

Тёплое будет, хоть под Новый год птенцов выводю... Чем не житьё?

И остался в городе жить.

— Ну, не-ет! — сказал Воробей. — И это не по мне. Нос тут ещё мастера, гнездо руби... Прощай!
И дальше полетел.
Долго ли, коротко летал — а тут и лес кончился.
Впереди — город большой. И видимо-невидимо там серых городских воробьев!
— Здорово, братцы — закричал Воробей. — Как житышко-то?
— Живём не тужим! — отвечают городские. — Лучше всех! На помойке крошку украдём, из лужи водички хлебнём, у печной трубы погреемся... Чем не житьё?
— Вот это по мне! — сказал Воробей.

Кому жарко, кому холодно

Барсук говорит:

— Ну что за лето нынче?! Холодно, дожди льют. Впору зимнюю шубу надевать... У меня барсучата малые даже в норе зябнут!

Бобёр говорит:

— И-эх, какое лето нынче славное! Ни тебе жарыица окаянной, ни тебе засухи. Воды в речке много, плавать раздольно. Малые бобрята резвятся в своё удовольствие!

Уж говорит:

— Собралась погода нас, ужей, погубить! От холода кровушка стынет, шевелиться не хочется. Еле ползаю... Лягушку догнать — и то не могу!

Олень говорит:

— Хороши стоят погоды! Комар не кусается, слепней да мух, почитай, совсем не видать. Прекрасное лето, прекрасное, только жарковато малость... По лесам бежать — упаришься!

Кто на кого похож?

Маленький Енотик прибежал домой, а мама так и ахнула:

— Батюшки, на кого ты похож?! Ты это где извозился? Почему вся шёрстка в мусоре?

— А я муравейник ворошил.

— Почему лапы в болотной тине?

— А я за лягушкой гонялся.

— Нос почему в земле?!

— Я жука выкапывал...

— Нет, вы только посмотрите на него! — мама говорит. — Разве так порядочные звери выглядят? Это не зверь, это какой-то медвежонок немытый!

— А как порядочные звери выглядят?

— У порядочных зверей шёрстка блестит, носы вылизаны, коготки вычищены! А ты погляди-ка на себя!

— Я хотел поглядеть, — Енотик отвечает, — только не дали.

— Кто не дал?

— А Медведица. Я на речку пришёл, к воде спустился — вдруг Медведица с медвежатами! Стра-ашная такая! Злю-ю-ущая!

— Да ты знаешь, зачем она на речку пришла?

— Не знаю. Я скорей убежал.

— Она медвежат купать привела. И ей стыдно, когда дети чумазые!

— Вот оно что... — говорит Енотик. — Теперь понимаю. А то я догадаться не мог, почему она лапой машет и рычит: «Ах ты, чумичка, ах ты, Енот немытый!»

Кто работает зимой

Росли на огороде злые сорняки — мохнатый Чертополох, серая Лебеда и жгучая Крапива. Росли и воевали с огородными овощами. Расталкивают всех, лучшие места себе захватывают, соки из земли тянут. Совсем забили овощь огородную!

Пришли колхозники, стали грядки пропалывать. А сорняки хитрые — их сразу не выведешь!

Чертополох говорит:

— Меня с грядки сгонят, а я — под забор! Там и схоронюсь. Лебеда говорит:

— Меня с грядки сгонят, а я — в канаву. Там и уцелею.

Крапива говорит:

— Меня с грядки сгонят, а я в кусты! Там и продержусь.

Много раз пропалывали огород колхозники, осенью лопатами перекопали, всю землю перевернули. А сорняки-то — вон они! Выжили. Кто в придорожной канаве сидит, кто под забором схоронился, кто в кустах спрятался. А одна серая Лебеда аж на крышу сарая забралась. Растёт-цветёт,

посмеивается: «Всех вокруг листика обвела».

Осенью созрели у сорняков семена — многое множество. У Чертополоха, наверно, тыщи, у Крапивы, наверно, тыщи тыщ, а у Лебеды и вовсе тьма-тьмущая!

Обрадовались сорняки, загордились.

Чертополох говорит:

— Весной рассею семена, все грядки заполоню! Уж тогда-то со мною никто не справится!

Крапива говорит:

— Весной рассею семена, все огороды заполоню. Уж тогда-то со мною никто не справится!

Лебеда говорит:

— Весной рассею семена, все поля, дороги и тропки заполоню! Уж тогда-то со мною никто не справится!

Да только — не вышло.

Едва первый снег землю укрыл, появились на огородах новые работники. И ну пропалывать сорняки! Ни одного не пропускают. Повыдёргивали семена и у Чертополоха, который под забором сидел, и у Крапивы, что в кустах пряталась. И даже Лебеду, что на крыше росла, — и ту обчистили до зёрнышка.

Не расти теперь сорнякам, не засорять землю! Добрый будет в новом году урожай.

А кто помог?

Да птички-невелички: щеглы, снегири, подорожнички. Ведь они и зимой на полях трудятся.

Ландыш

Какой цветок в нашем лесу самый красивый, самый нежный, самый пахучий?

— Конечно, я. Ландыш!

— Какие же у тебя цветки?

— Цветки у меня — будто колокольчики снежные на тонком стебле. Приглядишься, они светятся в сумерках.

— А запах какой?

— Запах такой, что не надышишься!

— А что же сейчас у тебя на стебле, на месте маленьких колокольчиков?

— Красные ягоды. Тоже красивые. Загляденье! Но ты их не трогай, не срывай!

— Отчего же?

— А они ядовитые!

— Зачем же тебе, нежному цветку, ядовитые ягоды?

— Чтобы ты, сладкоежка, не съел!

Лось и мышь

- Ты чего, Лось, отдуваешься?
- Река разлилась. Я через неё плыл, чуть не утонул... Фу-у!
- Подумаешь, горюшко! Я больше тебя намучилась.
- Отчего же ты намучилась?
- А у моей норки лужа разлилась. Всё моё жильё затопила, все пути-дорожки отрезала... Я третий день на сучке плаваю!

Мышонок и лето красное

С каждым днём в лесу холоднее. Дуют ветры-листодёры, тёмные тучи по небу ползут, крупа снежная сыплется, на озёрках да речках ледок звенит.

Хоть не зима ещё, только зазимье, — а всё равно житьишко не сладкое!

Плачет малый Мышонок на моховой кочке:

— Ай, зябко, ай, дрожь пробирает! Лапки холодные, шубка мокрая, голый хвостик совсем застыл... Хочу опять лета красного!

— Глупый! — смеётся Белка с берёзы. — Откуда же взяться лету? Оно далеко-далеко теперь, за синими морями, за высокими горами. Только птицы и могут до него долететь, а нам с тобой не добраться.

— Всё равно хочу! — говорит Мышонок. — И сейчас же пойду лето красное искать!

— Куда тебе! Ты же маленький, слабенький!

— А я попутчика большого да сильного возьму!

Спустился Мышонок с кочки, побежал по лесу. Лежит в чащобе ёлка вывороченная, под корнями у неё — медвежья берлога.

Подбежал Мышонок, кричит:

— Эй, Медведь!

— Раздаётся из берлоги:

— Х-р-р-р-п-п-х-х-х!..

— Проснись, Медведь, — кричит Мышонок, — а то за нос кусну!

— Хр-р-р-п-п-х-х-х!.. Чего тебе?

— Ты большой да сильный, пойдём со мной лето красное искать!

— Тьфу ты, — Медведь говорит, — стоило меня будить из-за этого... Кыш отсюда! Берлога у меня глубокая, еловые лапы

мягкие, мне и так хорошо.

Поворотился, полочнее улёгся и опять глаза сожмурил.

Нет, не сговоришься с Медведем, — побежал Мышонок дальше.

Растут на песчаном бугре сосенки, под ними ход чернеет — барсучья нора. Из норы слышно посапыванье:

— Туф-туф-пссс...

— Эй, Барсук, — Мышонок кричит, — проснись! Сейчас же проснись, а то укушу!

— Туф-туф-пссс... Ну, чего там ещё?

— Барсук, ты большой да сильный, пойдём со мной лето красное искать!

— Ишь ты, — Барсук говорит, — чего выдумал... Да как ты смел меня беспокоить?! Лето ему понадобилось... У меня в бока не дует, надо мной не каплет, мне и так хорошо. Брысь!

Нет, не сговоришься с Барсуком, — побежал Мышонок дальше. Стоит на краю поляны высокий клён, меж корней у него ямка. Натасканы в ямку листики, листики. — Ёж себе спаленку соорудил.

— Эй, Ёж! — Мышонок кричит. — Проснись! Сию минуту проснись, а то покусую!

Зашевелились листики, ежиная мордочка показалась.

— В чём дело, что за писк?

— Ёж, ты всё-таки большой, ты всё-таки сильный, идём со мной лето красное искать!

— Эх, кабы не лень подниматься, — Ёж говорит, — какую бы я тебе трёпку задал! Уж как бы я тебя напугал-настрашал, прямо — до смерти! У меня в ямке славненько, в листиках — тёпленько, а ты меня будить вздумал... Скройся с глаз, пока цел!

Нет, не сговоришься с Ежом, — побежал Мышонок дальше. «Ничего, — думает, — лес велик, жителей в нём ещё много, авось подберу себе попутчика...»

Да не удалось.

Вдруг небо совсем потемнело, нахмурилось, — повалил на землю лохматый снег.

Тропинки-дорожки укрыл, болотца выбелил, на кочки платочки надел, на пни — малахаи.

Да так-то быстро!

Бежит Мышонок, торопится, а с каждым шагом труднее бежать. Глубже снег и глубже. Вот уже коротенькие ножки до земли не достают, прыгнул Мышонок что есть сил — и совсем увязнул.

— Ну, — говорит, — видно, смерть пришла. Сейчас замёрзну в снегу.

Съёжился, сжался, не шевелится.

А снег всё падает, падает, с головой Мышонка укрывает. Пухнет и пухнет над ним белое одеяло.

И вдруг — что за чудеса? — кажется Мышонку, что теплее стало. Открыл он глаза, огляделся. Видит — от дыхания снежок вокруг него подтаивает, вроде как пещерка получается. Светло в ней. И не поддувает. И мороз не леденит. Да ещё и не страшно: никто не увидит, никто не схватит...

— Э-э!.. — Мышонок говорит. — Да тут жить-поживать вполне можно. И впрямь — стоит ли мучаться, лето красное искать, когда и без него обойдёмся?

Угнездилился, лапкой за ухом почесал — и уснул.

Молочком-то лучше

Идёт Хомяк с поля. Идёт, отдувается, белые щёки надул. Видать, тяжело такому толстому шагать. Постоит, попытается, опять двинется вперевалочку. Водяная Крыса Хомяку повстречалась. Тащит Водяная Крыса какой-то корешок в зубах.

— Здравствуй, Хомяк!

Молчит Хомяк. Идёт мимо вперевалочку.

— Вот лентяй! — Водяная Крыса говорит. — Даже поздороваться лень! Ишь какое пузо себе отрастил, прямо по земле волочится! А уж щёки-то, щёки наел! Того и гляди — лопнут.

Молчит Хомяк. Будто не об нём разговор.

— погоди, увалень! — говорит Водяная Крыса. — Зимой-то небось отощавешь! Зима ленивых не любит! Запасливые звери, они — что? Они запасы делают...

Вот я корешок тащу, в норке сложу, на чёрный день приберегу! Из всех сил стараюсь, не тебе чета, увальню!

Молчит Хомяк. Дальше идёт, пытит, щёки надувает.

Сойка летит навстречу Хомяку. Несёт в клюве жёлудь.

— Здравствуй, Хомяк!

Молчит Хомяк. Головы не поднял.

— Ну, лентяй! — Сойка говорит. — Это надо же: языком повернуть лень! Спину-то, спину себе какую нагулял, вот это спина! А щёки сейчас лопнут!

Молчит Хомяк. Будто не слышит.

— погоди, лежебока! — говорит Сойка. — Зимой меня помянешь! Работающие-то звери да птицы запасы делают! Зима ленивых не любит! Вот я жёлудь нашла, теперь в укромном местечке спрячу, до злых морозов поберегу... Ан зимой выйдет подарочек! Учился бы, лежебока, глядя на таких, как я!

Молчит Хомяк. Идёт себе дальше, пытит-отдувается.

Белка попала навстречу Хомяку. В развилину сучков пристраивает Белка гриб-сыроежку.

— Здравствуй, Хомяк!

Молчит Хомяк. Вперевалочку мимо идёт.

— Здравствуй, я говорю!.. Это что ж, тебе и ответить лень? Ах ты, байбак! Надо же, какая лень ленивая! Весь жиром заплыл! Щёки-то ещё не лопнули?

Молчит Хомяк. Ухом даже не повёл.

— Погляжу я на тебя зимой! — Белка говорит. — Сойдёт твоя спесь... Думаешь, для чего мы тебя браним-ругаем? Для твоей же пользы! Не прохлаждаться надо, а запасы готовить! Зима ленивых не любит! Вон я: гриб сушу, потом в дупло спрячу. Зато зимой вкусеньким побалуешь! А от тебя, байбака такого, кожа да кости останутся!

Молчит Хомяк. Не обращает внимания.

До своей норы дошёл.

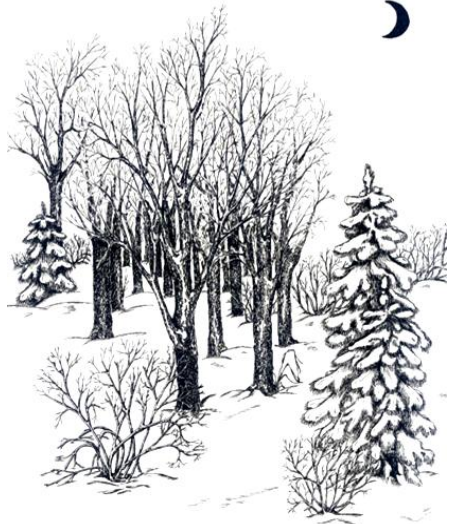
Внутри забрался.

В самом конце норы — сухая да чистая кладовочка.
Открыл рот Хомяк, из защёчных мешков высыпал горку зерна. Отборного зерна, спелого!
Освободился рот у Хомяка и говорит Хомяк тихонечко:
— Ладно. Пусть кричат. Пусть меня учат. А я, ни слова не говоря, пуд зерна в кладовую натаскал...
И никто этого не видел.
И никто этого не знает.
И никто не позарится.
Молчком-то лучше!

Маленьким — холодно

Встречаешь в лесу, в траве, ёлочку-малышку. У неё пожелтела маковка, пожелтели верхние лапки. Будто в огне обгорели.
— Ёлочка, разве был тут пожар?
— Не было.
— А что же случилось?
— Меня зимним морозом обожгло.
— Тебя? Ёлку?!
— Меня.
— Да ты же северное дерево. Стойкое! Выносливое! Неужели ты мороза боишься?
— Пока маленькая, боюсь.

Не стучать — все спят!

Дятел — Красная Шапка сел на кривую ёлку, хвостом подпёрся, башкой размахнулся:
«Тук-тук! Тук-тук!» — застучал носом.
Вдруг из-под ёлки, из-под корня-выворотня рычат сердито:
— Эт-та что за стук? Эт-та что за бряк? Кто это мне спать мешает?
— А сам-то, — Дятел спрашивает, — ты кто?
— Медведь. А ты Дятел, что ли?
— Дятел.
— Чего расстучался, длинноносый?
— Жуков да личинок ищу.
— Ступай отседа. Я уже в берлогу завалился, спать наладился, мне покой нужен. В другом месте стучи. Делать нечего, полетел Дятел — Красная Шапка в другое место. На горелую сосну прилепился, хвостом подпёрся, носом заработал: «Тук-тук-тук!»
Вдруг из-под сосны, из тёмной норы, кричат недовольно:
— Кто это трещит, кто барабанит?!
— А ты сам кто?
— Барсук я! Барсук! А ты, не иначе, Дятел, пустая твоя башка!
— Чего злишься? Я жуков да личинок ищу.
— Пошёл вон! Зима на носу, я в нору забрался, спать наострил. Нечего тут мешать!
Взмахнул Дятел крыльями, полетел в другое место. На трухлявую берёзу сел.
«Тук-тук-тук-тук-тук!»
А из-под берёзы, из ямки между корней, пищат злым-презлым голоском:
— Кто колотит?! Кто звонит?! Кто барабанит?! Это Дятел, да? Ах ты, пустозвон, нос у тебя долог, да ум короток!
— Ох, батюшки... А ты сам кто?
— Ёжик я! Ёж!! Ёжище!!! Убирайся прочь сейчас же! У меня тут норка, я в листья закопался, спать собрался. Не смей будить!
— Да что же это? — Дятел говорит. — Здесь не стучи, там не стучи. А как мне кормиться-то?!
— Если спать не умеешь, — ёжик отвечает, — так веди себя тихо, смирно. Других не буди. Нельзя сейчас трескотню разводить. Все умные звери спят!

Осина

Хны-хны, бедная я, разнесчастная... И за что мне, Осине, такая доля горькая?

Все деревья у людей в почёте, всем — доброе слово. Одну меня ругают. Ни на что, мол, не гожусь, кроме как на спички... Приятно ли слышать?

Все деревья долго живут, лет по триста, по четыреста. А мне и до ста лет не прожить, — короток век осиновый.

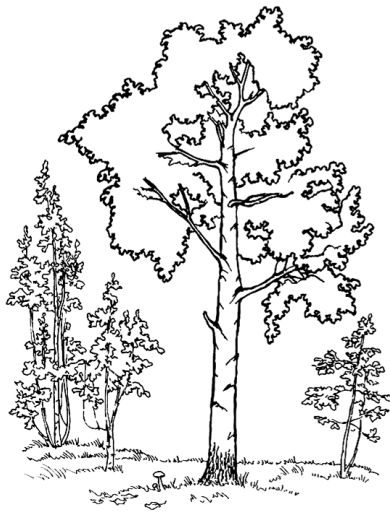
Все деревья чем толще, тем крепче становятся. А я только начну толстеть — сразу слабну. В стволе, в серёдке, непременно гниль заводится, и чем дальше — тем пуще. Издали поглядеть — вроде бы здоровёхонька, а на самом-то деле я насквозь больная, в чём только душа держится...

Оттого я очень ветра боюсь. Стою — вся дрожу, не налетел бы вихрь, не повалил бы меня, слабую да хилую... Чуть ветерок — залопочу, заволнуюсь, заплещусь... Ох, страшно!

Одно у меня утешенье — детки. Из каждого корня моего, что в землю уходит, торчат зелёные прутики. Это молодые осинки растут.

Гляжу я на них сверху, нарадоваться не могу. До того милы мои деточки! Сами тонюсенькие, слабенькие, а листочки развернули большие, круглые, как лопухи. И шевелят этими листочками, словно ушками хлопают.

Я их кормлю-пою, от жаркого солнышка укрываю. Растите скорей, подымайтесь, сил набирайтесь! Придёт мой смертный час, упаду я на землю. А на моём месте — глядишь — десять новых осинок стоят.

Отчего осень грустна

Только Осень успела прийти, только хозяйничать принялась, как уже слышит недовольные голоса. Люди говорят:

— Ах, жалость какая: лето красное кончилось!

Птицы в стаи сбиваются, кричат тоскливо:

— Опять нам лететь на чужбину, за широкие моря, за высокие горы...

Звери лесные ворчат:

— Кончилось житьё привольное, опять нам дела-заботы!

Призадумалась Осень.

— Отчего бы это? — удивляется. — Чем я не по нраву пришлась? И богата, и щедра, и красива — только живи да радуйся! Покажу-ка я нынче себя как следует, потружусь-постараюсь, пускай все довольны останутся.

И за дело взялась.

За лето реки да озёра обмелели, ряской и тиной заросли. Осень их до бережков налила, полным-полнёхонькими сделала. Остудила воду, от ряски и тины очистила — просвечивает вода до самого доньшка.

— Гуси-лебеди, вольные птицы, — Осень говорит, — вот вам подарок от меня! На чистом просторе живите-поживайте, меня добром поминайте!

Взвились гуси-лебеди над прозрачной холодной водою, отвечают:

— Не надо нам, Осень, твоего подарка... Прощай!

И улетели прочь.

Делать нечего, — вышла Осень в поля да луга. На полях — стерня рыжая торчит, на лугах; -трава вся выгорела, пожухла. Некрасиво, неприятно...

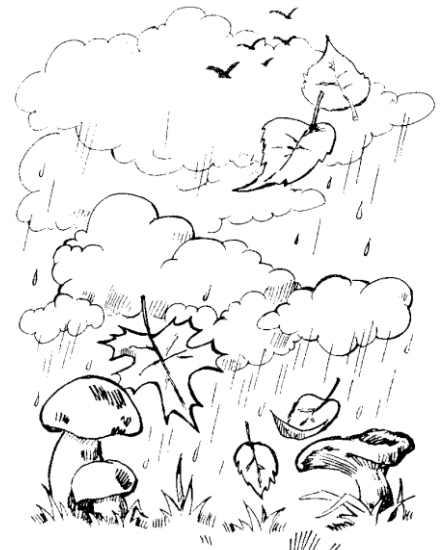
Сбрызнула Осень поля да луга стеклянной росой, покрыла серебряным инеем. Засверкало всё под солнышком, заискрилось.

— Хомяки да зайцы, кроты да мыши, — говорит Осень, — вот вам подарок от меня. Любуйтесь-радуйтесь, меня благодарите!

А хомяки да зайцы, кроты да мыши отвечают:

— Не надо нам, Осень, твоего подарка... Ну тебя!

Хомяки в своих кладовых сиднем сидят, зайцы на межах затаились,

кроты глубоко в землю ушли, мыши в норы забрались, носа наружу не показывают. Что поделатъ, — вошла Осень в леса. Были леса тёмные, дремучие, стала Осень их просветлять да разреживать. Были леса просто зелёными, — Осень их раскрашивать начала разными красками. У берёзок листья жёлтыми сделала, у осинок — красными, у дубков — коричневыми. Все тропки яркой листвой застелила, все болотца пёстрыми половичками укрыла. Светло теперь в лесах, пестро, празднично...

— Белки да барсуки, ежи да ласки, лисы да медведи, — говорит Осень, — вот вам от меня подарок. Празднуйте, веселитесь, меня добром поминайте!

А белки, барсуки, ежи, ласки, лисы и медведи отвечают:

— Не надобно твоего подарка, не ходила бы ты лучше сюда...

Не хочет никто веселиться. Белки гнёзда конопатят, барсуки норы чистят, ежи подстилку таскают, ласки летнюю шубу на зимнюю меняют, лисы в светлом лесу боятся ходить, а медведи в чащобах рыщут — берлоги себе ищут.

Закручинилась Осень, а в чём беда, — не поймёт... Наконец надумала у людей спросить: люди-то уж всё на свете знают и, конечно, ответят: почему никто приходу Осени не радуется?

Пришла к людям, говорит:

— Уж я ли не старалась, я ли не работала! Всем одарила, чем могла, а доброго слова так и не услышала...

А люди кутаются в тёплые одежды, усмеваются:

— Да, — говорят, — Осень, всем ты взяла: и красива, и богата, и мастерица-рукодельница. Всё у тебя есть, только тепла маловато!

— А где взять мне тепла, у кого попросить?

— У кого, как не у ясного Солнышка!

С той поры и просит Осень у Солнышка тепла. Пока нету Солнца, — хнычет Осень, плачет, льёт холодные слёзы.

А как выйдет на небо Солнышко, — перестаёт плакать, улыбнётся.

Тут-то её и похвалят.

Ох, тяжело!

— Ох, тяжело!..

— Почему тебе, Яблоня, тяжело?

— На мне ветки от яблок гнутся, к земле клонятся... Еле держу!

— Ох, тяжело!..

— Почему тебе, Рожь, тяжело?

— Колос налился, на стебле качается, вот-вот ляжет... Еле держу!

— Ох, тяжело!

— А тебе, Тыква, отчего тяжело?

— На земле лежать да себя держать, вот отчего!

Орешник

— Стойте, стойте! Нынче нельзя ко мне подходить близко!

Косуля, обойди меня стороной, не трогай моих веток. И вы, птицы, не садитесь ко мне — ай! — нельзя, нельзя, вы же станете жёлтыми, как цыплята...

Нынче я, Орешник, весну праздную и цвету.

На каждой ветке я развесил длинные серёжки. Хорошо, правда ведь? Если качнуть серёжку, из-под чешуек посыплется жёлтая пыльца.

Я богатый, её у меня много!

Птица заденет ветку — поднимется жёлтое облачко.

Зверь качнёт ствол — встанет жёлтая туча надо мной.

Пронесётся ветер над зарослями — жёлтым туманом лес окутает, землю запудрит, воду на речках и озёрах жёлтой плёнкой подёрнет.

А гуденье вокруг меня слышите?

Чтоб веселей был праздник, я музыкантов к себе позвал — нарядных шмелей да быстрых пчёл, блестящих мух да всякую прочую мелкоту. Пусть гудят, побренькивают, посвистывают!

За труды награжу щедро, каждого сладкой пылью оделю...

Кончится вешний праздник, оденусь я листьями, оброну наземь отцветшие серёжки.
А на ветках, под листьями-то, завяжутся у меня дружные орехи-тройняшечки. Исполдволь, незаметно начнут наливаться, круглеть, выглядывать из мохнатых зелёных воротничков.
Засмуглеют от солнышка, вызреют.
И тогда — милости прошу на другой мой праздник, осенний!

Прятки и догонялки

На сосне, в тёплом гнезде Белка дремлет. Видом её не видеть, слухом не слышать, нюхом не учуять. Вдруг стучат снаружи:

— Тук-тук!

Выскочила Белка:

— Кто там?

— Это я, Дятел.

— Чего стучишь?

— С жуками в прятки играю. Жуки под корой хоронятся, а я их выманю, носом нацелюсь — тук-тук! — и застукаю.

— Ой, и я люблю в прятки играть! Давай сыграем!

— Тороплюсь, некогда. С кем-нибудь другим играй!

Улетел Дятел, Белка в гнездо вернулась.

Вдруг опять стучат по стволу:

— Тук-тук!

Выскочила Белка:

— Кто там?

— Это я, охотник.

— Чего стучишь?

— Да с тобой, Белка, хочу в прятки сыграть. Ты в гнезде хоронишься, а я тебя выманю, на прицел возьму — тук-тук! — застукаю.

— Ой, нет! Ой, нет!.. Не хочу в прятки играть, хочу теперь в догонялки!

Да как с ветки на ветку припустится!

Полосы и пятнышки

Встретились на поляне двое малышей: Косулёнок — лесной козлёночек и Кабанчик — лесной поросёнок. Нос к носу встали и разглядывают друг дружку.

— Ой, какой смешной! — говорит Косулёнок. — Весь полосатый-полосатый, будто тебя нарочно раскрасили!

— Ой, а ты до чего смешной! — говорит Кабанчик. — Весь в пятнышках, в пятнышках, будто тебя нарочно забрызгали!

— Я в пятнышках для того, чтобы лучше в прятки играть! — сказал Косулёнок.

— И я полосатый, чтобы лучше в прятки играть! — сказал Кабанчик.

— С пятнышками лучше прятаться!

— Нет, с полосками лучше!

— Нет, с пятнышками!

— Нет, с полосками!

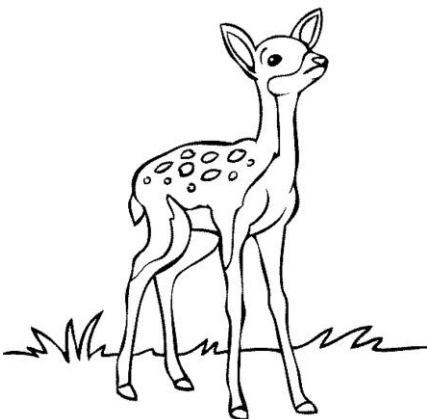
И заспорили, и заспорили! Ни один уступить не хочет.

А в это время затрещали сучья, захрустел валежник. Вышла на поляну Медведица с медвежатами. Увидел её Кабанчик — и стреканул в густую траву. Вся трава полосками, полосками, — исчез в ней Кабанчик, словно сквозь землю провалился.

Увидел Медведицу Косулёнок — и стрельнул в кусты. Между листьями солнце пробивается, везде желтые пятнышки, пятнышки, — исчез в кустах Косулёнок, словно его и не было.

Не заметила их Медведица, прошла стороной.

Значит, оба хорошо научились в прятки играть. Зря спорили.

Слепой Дождик

Летний весёлый Дождик прибежал в лес — и давай плясать! По берёзовым листочкам пощёлкивает, по круглым осиновым листьям барабанит, напевает песенку:

Я из тучи упал,
По земле побежал,
Мои ножки легки —
Ни разу не споткнутся...

— Какая славная песня! — сказали вдруг тоненькие голоса. — Какой добрый Дождик!.. Это радовались Водомерки. Они жили в маленьком лесном озёрце и сейчас стояли рядышком у берега, как маленькие лодочки у пристани.

— Значит, я вам нравлюсь? — спросил Дождик.

— Ну, конечно! — ответили Водомерки. — Мы тебя так ждали! Наше озерцо уже совсем высохло, мы не знали, куда деваться... А теперь оно разольётся снова, жить нам будет просторно, привольно... Лей пуще, Дождик!

И Дождик защёлкал сильнее и ещё громче запел:

...Под кустом ждут меня,
Под листком ждут меня,
Птицы ждут, звери ждут,
Просто не дождутся!

— Как бы не так! — услышался злющий скрипучий голос Паука. — Кому ты нужен, глупый Дождь... Только мешаешь. Я трудился, я старался, паутину свою плёл. Между ветками её растянул, думаю: сейчас добыча попадётся! А попали одни твои капли, намочили паутину, разорвали... Убирайся из лесу!

— Вот тебе на! — сказал Дождик. — Одни меня хвалят, другие меня прочь гонят... Интересно, — нужен я всё-таки здесь или нет?

— Конечно, нужен!.. — пыхтя и отдуваясь, сказала Сыроежка. Она только что проглянула из-под земли, и на её круглой фиолетовой шапочке ещё лежал сучок и сосновые иглы. — Припусти, Дождик! Мы, грибы, расти без тебя не можем!

— Нет, нет! — закричала лесная Земляника в белом платочке. — Ты сейчас совсем не нужен! Я вся вымокну, и у меня тогда ягод не будет!

— Молодец, Дождик! — сказал мокрый, но очень довольный Лось. — Ты слепней разогнал, мух распугал, а то ведь житья от них не было!

— Тьфу! — рассердился Барсук. — Я нору чистил, проветривал, подстилку менял, а тут — хлынуло... Безобразие! Совсем не вовремя дождик!

Слушал Дождик, слушал — ничего понять не может.

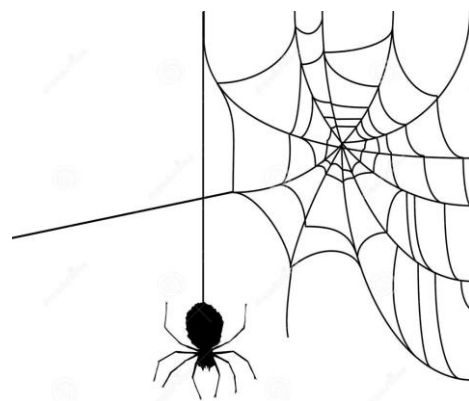
— Ну, — говорит, — вы тут без меня разберитесь — нужен я или нет. А я покуда в деревню сбегая. Прибежал в деревню, по тесовым крышам постукивает, в желобах побулькивает, распевает:

Я из тучи упал,
По земле побежал,
Мои ножки тонки —
А всё равно не гнутся!
В деревнях меня ждут,

В городах меня ждут,
Тут и там, там и тут
Просто не дождутся!

Это верно! — сказали Огурцы, росшие в огороде. — Заждались мы тебя, Дождик... Ух, напьёмся сейчас!

— Ах, так?! — сказали капризные Помидоры. — Дождик пошёл? Ну, так не будет вам красных помидоров. Чтоб нам цвести, жара нужна, сухой воздух... А сырость нам вредна, вредна, понимаете?

— Ничего, ничего! — весело сказал жёлтый Лилейник, стоявший в палисаднике перед домом. — Дождик — это хорошо, это полезно... После него я так расцвету, что моя хозяйка будет очень довольна! — Хозяйка не будет довольна! — захныкали синие Люпины. — Мы очень нежные цветы... У нас такие тяжёлые шапки, что если они намокнут, то мы не выдержим и сломаемся... Не успели цветы договорить, как на улице кто-то закричал и засмеялся. Босые мальчишки шлёпали по лужам, брызгались и просили: — Дождик, Дождик, — пуще! Дождик, Дождик, — пуще! — Ага! — обрадовался Дождик. — Люди-то уже лучше всех знают, нужен я или нет. Пуще — так пуще! И только он собрался припустить вовсю, как загромыхали колёса — на конных граблях ехали колхозники. — Эх, — говорили они, — помешает нам дождик сено убрать... Хоть бы унялся, погодил маленько! Дождик совсем растерялся. Он даже петь начал шёпотом и перепутал слова своей песенки: Я на тучу упал,
Я с земли убежал,
Мои ножки тонки —
Меня не дождутся... А тут между туч выглянуло ясное солнышко. Оно так заблестело, засияло, что Дождик сразу ослеп. Ведь всегда при солнце Дождик становится слепым... И он уже теперь не мог выбирать дороги, и пошёл по земле просто наугад. И больше на него никто не сердился. Все понимали, что если Дождик пришёл не вовремя, то сделал это он нечаянно.

Сосна

Далеко-далеко внизу, у корней моих, ручеек в траве позванивает. Вровень с поясом берёзки да осинки стоят. До плеч моих только ели старые дотянулись. А выше головы моей только лишь облако ходячее в синем небе. Вот я какая, Сосна! Не по мне коротышкой быть, в тени сидеть, — свет люблю, ясное небушко. Хочу, чтоб голова была солнцем обрызгана! Я бы ещё не так вымахала, но ведь мы, деревья, не круглый год растём. Я вот только два весенних месяца кверху тянусь, а там — стоп! Всё. Другими делами надо заниматься: шишки завязывать, хвою обновлять, почки новые закладывать. Зато и вырастаю же я за эти два месяца... Будто подпрыгиваю! Откуда силы берутся? А ведь я не одна. Наш сосновый бор — вроде большой семьи. У всех сосен корни под землёй связались между собой,

срослись, стали общими.

Люди, бывает, сплят Сосну, а пенёк еще долго не умирает, даже подрастает чуток. Это мы, соседки, его поддерживаем, соки гоним.

Вместе-то — лучше! Растём наперегонки, друг дружке помогаем, одна другую поторапливаем.

Этак и до неба добраться можно!

Сирень и сосна

— Фи, какая пыль поднялась!. Мои махровые цветы запачкаются!

— Что ты, это не пыль.

— Типичная пыль, я же знаю! Фи!..

— Это моя сосновая пыльца по воздуху летит. Ты, Сирень, зацвела, и мне тоже срок наступил.

— Как ты можешь равняться со мною, стоеросовое дерево! У меня цветы небывалые, каких и в природе нет; я — королевская, я — садовая, я — гибридная! А твои так называемые цветки и не увидеть невооружённым глазом!

— Каждому своё. Ты покрасуешься и отцветёшь попусту, а у меня на ветках шишечки вызреют. А из шишечек-то — семена, а из семян-то новый сосновый лес!

Сосулька

- Кап-кап-кап! Кап-кап-кап! Кап-кап-кап!
— Отчего, Сосулица, ревьёшь, отчего слезищи по бородище пускаешь?
— Как же не плакать-то? Все деревья, все травы, все цветы на крепкой земле растут. Одна я, неприкаянная, в пустой вышине повисла... На землю хочу!
— Кап!.. Кап!.. Кап!..
— Отчего, Сосуля, плачешь, отчего слезами бородёнку мочишь?
— Да как же не плакать-то? Все деревья, все травы, все цветы кверху растут, одна я, бедолага, книзу вытягиваюсь... Перевернуться хочу!
— Кап!.. Кап..
— Отчего, Сосулечка, слезу уронила и больше не плачешь? Небось теперь всем довольна?
— Кап..
— Вот тебе на: от Сосульки-то и след просох. Вся выплакалась!

Теремок

Дело к вечеру, солнце садится, в полях и лугах туманы сырые ползут. Холодает! Летит над поляной Комар-пискун, тоненьким голосишкой плачется:

— И-и-их, гореваньце! Нет у меня, Комара, ни кола ни двора, осенней ночью погреться негде!..

Вдруг видит: среди жёлтой травы стоит голубой колокольчик. Да такой большой, такой ладный — что твой дом! Вот где приютиться-то можно!

Подлетел Комар поближе, спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

Не отвечают Комару. Пусто в теремке.

Забрался Комар в колокольчик, сел, огляделся. Хорошо! Крыша толстая, стены крепкие — и от ветра, и от росы, и от дождей спасут.

— Буду жить-поживать, тепла поджидать.

А вечер всё ближе, туманы всё гуще, роса на травы ложится.

Холодно!

Летит над поляной Муха-горюха, слезами заливаётся:

— Ах, заз-зябла! Нет у меня, Мушки, ни одеяльца, ни подушки, голову приклонить некуда...

Вдруг видит: стоит над мокрой травой голубой колокольчик. Да такой славный — что твой дом!

Подлетела Муха поближе, спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Я — Комар-пискун. А ты кто?

— Я — Муха-горюха. Давай вместе жить-поживать, тепла поджидать!

— Ну, полезай.

Забралась Муха в колокольчик, села, огляделась. Хорошо! Крыша хоть и качается, стены хоть и гнутся, но зато тепло да сухо. Можно ненастье переждать!

А вечер совсем близок, на небе звёзды проглядывают, травы инеем покрываются. Холодище!

Летит над поляной Шмель-опрокидень, брюзжит:

— Эх, ж-жизнь... Нет у меня, Шмеля, ни одеж-жи ни ж-жиля. И пож-жалеть меня некому!

Вдруг видит: стоит в индевелой траве голубой колокольчик — что твой дом!

Подлетел Шмель поближе, спрашивает:

— Терем-теремок, кто в тереме живёт?

— Я — Комар-пискун.

— Я — Муха-горюха. А ты кто?

— Я — Шмель-опрокидень. А ну, потеснитесь, буду с вами ж-жить!

Полез Шмель в колокольчик, только было уселся, как...

опрокинулся стебель,

посыпались лепестки,

повалились наземь и Комар-пискун, и Муха-горюха,

а сверху на них — Шмель-опрокидень!

Теремка-то и не стало.

Укрывушки, хоронушки, показушки

К вечеру вызвездило, ночью морозцы хрустнули, а утром выпал на землю первый снег. Лесные жители его по-разному встретили. Старые звери да птицы поёжились, прошлую студёную зиму вспомнили. А молодые — ужасно удивились, потому что никогда ещё не видели снега.

На берёзе молоденький Тетерев сидел, на тонкой веточке покачивался. Видит — падают с неба мохнатые снежинки. — Что за че-чепуха? — забормотал Тетерев. — Бе-белые мухи летят, над землёй кружат, не гудят, не жужжат, не кусаются... — Нет, родимый, это не мухи! — сказал старый Тетерев. — А кто же это? — Это наши укрывушки летят. — Какие такие укрывушки? — Они землю укроют, — отвечает старый Тетерев, — одеяльце тёпленькое получится. Мы ночью под это одеяльце нырнём, будет нам тепло и уютненько... — Ишь ты! — обрадовался молодой Тетерев. — Скорей бы попробовать, хорошо ли под укрывушками спится! И стал ждать, когда на земле пуховое одеяло расстелется. Под берёзами, в кустарничке, молоденький Зайчишко день коротал. В полглаза подрёмывал, в пол-уха прислушивался. Вдруг замечает — спускаются с неба мохнатые снежинки.

— Вот тебе на! — удивился Зайчишко. — Одуванчики давно отцвели, давно облетели-развевались, а тут гляди-ка: целое облачко одуванчикового пуха летит!

— Глупенький, разве это цветочный пух! — сказала старая Зайчиха.

— А чего же это такое?

— Это наши хоронушки летят.

— Что ещё за хоронушки?

— Те самые, которые тебя от врагов схоронят, от злых глаз уберегут. У тебя шубка вылиняла, стала беленькая. На чёрной земле её сразу видать! А как лягут наземь хоронушки, станет кругом белым-бело, никто тебя и не увидит. Станешь гулять невидимочкой!

— Уй, как интересно! — закричал Зайчишко. — Скорей бы попробовать, как хоронушки меня прячут!

В лесу, по голому осинничку бежал молодой Волчонок. Бежал, по сторонам глазами зыркал, поживу себе искал. Вдруг смотрит — падают с неба лёгкие снежинки.

— Ай-яй! — сказал Волчонок. — Никак гуси-лебеди в поднебесье летят, пух и пёрышки роняют?

— Что ты, разве это пух да пёрышки! — засмеялся старый Волк.

— А что же это?

— Это, внучек, наши показушки летят.

— Не знаю я никаких показушек!

— Скоро узнаешь. Лягут они ровным-ровненько, всю землю укроют. И сразу показывать начнут, где какие птицы бродили, где какой зверь проскакал. Поглядим мы на показушки — и тотчас узнаем, в какую сторону за добычей бежать...

— Ловко! — обрадовался Волчонок. — Хочу скорей поглядеть, куда моя добыча побежала!

Только разузнали молодые звери да птицы, что это с неба падает, только с первым снегом познакомились, как потянуло тёплым ветерком.

Тут укрывушки, хоронушки, показушки и растаяли.

Храбрый птенец

— Воробышко ты глупый, ты зачем на заборе уселся, у всех на виду?

— Ч-чего?

— Вон ворона летает, тебя схватить может!

— Ч-чего?

— А вон белка скачет, попадётся к ней в зубы!

— Ч-чего?
— А вон кошка бежит по дорожке, глазищами зыркает!
— Ч-чего?
— «Чего», «чего»! Расчирикался! Улетай, пока не заметили!
— Чик!.. А я летать ещё не могу! Я только ещё... из гнезда вывалился...
Чик! Ничего не знаю, ничего не умею! И никого ещё не боюсь!

Храбрый опёнок

Много по осени грибов уродилось. Да какие молодцы — один другого краше!

Под тёмными ёлками деды боровики стоят. У них кафтаны белые надеты, на головах — шляпы богатые: снизу зелёного бархата, сверху коричневого. Загляденье!

Под светлыми осинками отцы подосиновики стоят. Все в мохнатых серых курточках, на головах красные шапки. Тоже красота!

Под высокими соснами братцы маслята растут. Надеты на них жёлтые рубашки, на головах картузики клеенчатые. Тоже хороши!

Под ольховыми кустиками сестрицы сыроежки хороводы водят. Каждая сестрица в льняном сарафанчике, — голова цветным платочком повязана. Тоже неплохи!

И вдруг возле поваленной берёзы вырос ещё один гриб — опёнок. Да такой невидный, такой неказистый! Ничего нет у сироты: ни кафтана, ни рубашки, ни картуза. Стоит босиком на земле, и голова непокрыта — белобрысые кудерьки в колечки завиваются.

Увидали его другие грибы, и ну — смеяться:

— Смотрите, неприбранный какой! Да куда ж ты на свет белый вылез?

Тебя ни один грибник не возьмёт, никто тебе не поклонится!

Опёнок тряхнул кудрями и отвечает:

— Не поклонится нынче, так я подожду. Авось когда-нибудь и пригожусь.

Но только нет — не замечают его грибники. Ходят меж тёмных ёлок, собирают дедов боровиков, кладут в кузовки.

А в лесу холоднее становится. На берёзах листья пожелтели, на рябинах покраснели, на осинках пятнышками покрылись. Ночами студёная роса на мох ложится.

И от этой студёной росы сошли деды боровики. Ни одного не осталось, все пропали.

Опёнку тоже зябко в низинке стоять. Но хоть ножка у него тонкая, да зато лёгкая — взял да и повыше перебрался, на берёзовые корни. И опять грибников ждёт.

А грибники ходят в перелесках, собирают отцов подосиновиков. На

Опёнка по-прежнему не глядят.

Ещё холоднее стало в лесу. Засвистел ветер-сиверко, все листья с деревьев оборвал, голые сучья качаются. С утра и до вечера льют дожди, и укрыться от них некуда.

И от этих злых дождей сошли отцы подосиновики. Все пропали, ни одного не осталось.

Опёнка тоже дождём заливают, но он хоть и щупленький, а пряткий. Взял и вскочил на берёзовый пенёк. Тут его никакой ливень не затопит.

А грибники всё равно не замечают Опёнка. Ходят в голом лесу, собирают братцев маслята и сестриц сыроежек, в кузовки кладут. Неужели так и пропасть Опёнку ни за что, ни про что?

Совсем холодно стало в лесу. Мутные тучи надвинулись, потемнело кругом, с неба снежная крупа сыпаться начала. И от этой снежной крупы сошли братцы маслята и сестрицы сыроежки. Ни одного картузика не виднеется, ни один платочек не мелькнёт.

На непокрытую голову Опёнка крупа тоже сыплется, застревает в кудрях. Но хитрый Опёнок и тут не сплшал: взял да и прыгнул в берёзовое дупло. Сидит под надёжной крышей, потихоньку выглядывает: не идут ли грибники?

А грибники тут как тут. Бредут по лесу с пустыми кузовками, ни одного грибка не могут найти.

Увидели Опенка да так-то обрадовались:

— Ах ты, милый! — говорят. — Ах ты, храбрый! Ни дождей, ни снега не побоялся, нас дождался. Спасибо тебе, что в самое ненастное время помог!

И низко-низко поклонились Опёнку.

Черёмуха

Очень я, Черёмуха, на людей обижаюсь...

По весне белого кружева наряд, с головы до ног наряжусь, стою — как невеста... Глядите, стар и мал, любуйтесь. Пусть у вас на душе станет радостно!

А люди — ломать меня.

По стволу карабкаются, сучья гнут, веточки отдирают. И не поймут, что ведь себе хуже! Веточки в комнате долго ли простоят — вот уж и осыпались... А цвела бы я нетронутая, так сколько бы дней глаз веселила!

Поспеют летом черные ягоды, — опять люди ко мне. Потихоньку собирали бы ягодки, бережно, я бы смолчала. Но ведь снова гнут меня, снова ломают...

Этакий сорванец на ветке качается, приятелей зовёт:

— Эгей! Сюда!..

Ну, я на хитрость пустилась.

Хоть ягоды мои и сладки, да вязкие они, рот вяжут.

Поел ягод, захотел крикнуть, а рот-то и связало.

Ну, и поделом тебе.

Ступай домой да помалкивай.

Что это такое?

Посреди лесного озёрца расцвела жёлтая кувшинка. Высунулся из воды стебелёк, будто палочка, и на нём распустился большой круглый цветок.

Издали его видно — золотой шарик на голубой воде.

Пробежал по берегу молоденький Ёжик. Увидел кувшинку, остановился, понять не может — что это такое? Глаза у Ёжика не больно зоркие, а поближе не подойдёшь.

Зашуршала трава, выскочил на берег молоденький Лисёнок и тоже цветок увидел. Удивился — что это такое?

Спрашивает у Ёжика:

— Что там, жёлтенькое?

Ёжик на всякий случай колючки на себя надвинул, отвечает:

— Я думаю, это бабочка.

— А почему ты так думаешь?

— Я видел бабочек. Они жёлтенькие бывают, и с крылышками. Крылышки невкусные.

Зашуршали кусты, выбежал на берег молоденький Волчишко. Тоже цветок увидел, тоже удивился:

— Это чего, жёлтое?

Ёжик совсем под колючки улез, а Лисёнок отбежал в сторону и отвечает:

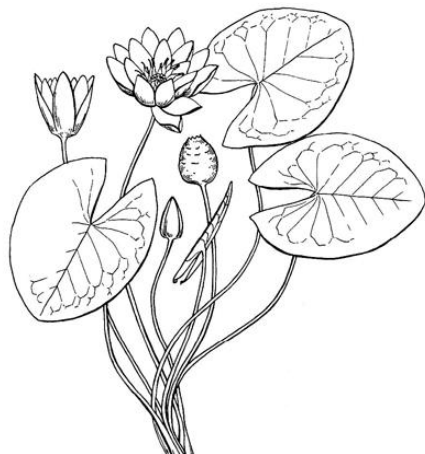
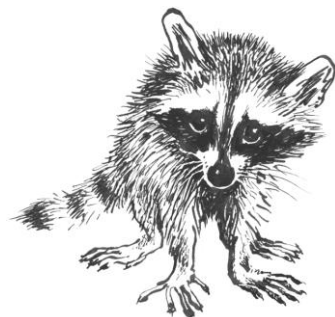
— Кто говорит — это бабочка, а мне кажется, что это — утёночек!

— С чего ты взял?

— Я утят видел. Они жёлтенькие, кругленькие, и все в таком мягком пуху. Пух невкусный.

Затрещали сучки-веточки, вылез на берег молоденький Енотик. Заметил цветок, глаза наострил:

— Чего это?

Волчишко ему отвечает:

— Кто говорит — это бабочка, кто говорит — утёночек, а мне чудится, что это мышь. Я мышей много видел. Жёлтые попадаются, в этойкой светлой шёрстке. Шёрстка невкусная.

— Интересно, — сказал Енотик.

Спустился он с берега, в воду соскочил.

Плюх-плюх! — добрался до цветка.

Чап-чап! — съел его быстренько.

И назад воротился.

— Ну, что — это бабочка была? — спрашивает Ёжик.

— Утёночек? — облизывается Лисёнок.

— Мышь? — недовольно спрашивает Волчишко.

Подумал Енотик, вздохнул и говорит:

— Не знаю.

— Да ты же ведь съел!

— А не разобрал я...

— Как же ты ешь-то не разобравши?!

Почесал Енотик живот, опять вздохнул:

— А нам, енотам, все равно. Хоть бабочка, хоть птичка, хоть мышка, хоть что хочешь. Мы всё подряд едим. Чего уж тут разбирать-то!

Что это ночью светится?

Два маленьких лесных мышонка заблудились однажды. Игнали, бегали, Друг за дружкой гонялись, потом глянь — место вокруг незнакомое. Чужой страшный лес!

А уже вечер наступил.

Красное солнышко за тёмные деревья закатилось.

Вот-вот глухая ночь настанет в лесу.

Скачут мышата с кочки на кочку, от страха попискивают, ищут дорогу домой. Хорошо бы Мышь-маму позвать, да боязно!

Уже и земли под лапками почти не видать. Чёрная трава

над головою качается, шелестит. Чёрные кусты черники листьями шуршат. Чёрные пни вырастают на пути, как огромные башни. А совсем высоко, в поднебесной вышине, чёрные деревья на зелёном небе качаются, от ветра шумят... Страхи-то какие, мамоньки!

И вдруг что-то засветилось впереди. Голубым холодным светом, которого никогда мышата не видели... Что это светится?

Пошли мышата тихонько-тихонько, глазёнки таращат, мокрыми носишками воздух нюхают.

Ближе голубой свет.

Совсем близко.

Видят: это старый пенёк, гнилой да склизкий, сам собою в темноте светится.

— Ты видал, чтобы пни светились? — спрашивает один Мышонок.

Второй от удивления на задние лапки сел.

— Нет, — говорит, — не видал... Вон, оказывается, чего в лесу-то бывает!

Обнюхали мышата удивительный пенёк, осмотрели, даже на зуб попробовали.

Потом дальше побежали.

А в лесу ещё темней сделалось. Уже высоких деревьев не видать и зелёного неба не видать, а кусты над головой еле-еле угадываются.

На полянку выскочили мышата. Да так и присели на растопыренные лапы.

По всей полянке голубые огоньки мерцают. Видимо-невидимо! И двигаются эти огоньки, с места на место перескакивают, кружатся...

— Мамоньки! — первый Мышонок говорит. — Это что же: гнилые пни плясать да кружиться начали?!

— Это небось маленькие такие гнилушки... — второй Мышонок говорит. А сам от страха заикается.

Чуть не на пузиках поползли мышата, тихо-тихо ползут, не дышат.

Ближе вертявые огоньки.

Совсем близко.

Видят мышата: на кустах и в траве чёрненькие жуки ползают и брюшко у каждого жука голубым пятнышком светится. Вот оно что!..

— Чего их бояться! — первый Мышонок говорит.

И одного светляка съел.

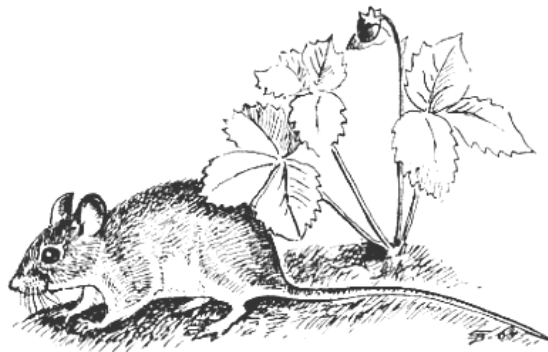
— Конечно, — второй Мышонок поддакивает. — Букашки, больше ничего!

И двух светляков съел.

Поглядели ещё мышата на удивительную полянку, повернулись, дальше побежали.

А в лесу-то совершенная тьма настала. Ни деревьев больше не видать, ни кустов, ни черники с брусникой. Только нюхом и можно дорогу отыскать. Вдруг высоко над головами мышат новые огни засветились. Жёлтые, Два круглых одинаковых жёлтых огня.

Мерцают, медленно поворачиваются.

На мышат уставились.

— Небось тоже букашки! — первый Мышонок говорит.

— Ага, — поддакивает второй. — Я бы их съел, кабы не так высоко забрались!

А жёлтые огни с места снялись и бесшумно поплыли вниз, прямо на мышат.

Хорошо, что Мышь-мама, которая детей своих разыскивала, успела вовремя подбежать. Одного Мышонка в кротовую норку толкнула, второго под еловый корень подпихнула. Сама — прыг! — и за пнём спряталась.

Жёлтые огни низко проплыли, ветерком опахнули. Исчезли.

— Мам, это что было такое? — первый Мышонок спрашивает.

— Это чего светилось? — переспрашивает второй.

А Мышь-мама из-за пня вылезла, отдышалась и отвечает:

— Сейчас я вам такую трёпку задам! Такую таску! Будете у меня по ночам разгуливать!

— Да что же это светилось-то?

— Это глазища совиные! Это про вас, бестолковых да глупых, летает мышиная смерть!